

РЕЦЕНЗИИ

Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. — М.: Наука, 1982. 357 с.

Бурное развитие науки в последние десятилетия, обострение идеологической борьбы в сфере всех наук, необходимость критики многочисленных попыток философского осмысления научного знания с немарксистских позиций, предпринимаемых противниками марксизма, — все это ставит перед советскими учеными ответственную задачу серьезной разработки философских основ каждой науки на основе марксистско-ленинской теории с учетом новейших научных достижений.

Весомый вклад в решение этой задачи представляет рецензируемая книга В. З. Панфилова, посвященная рассмотрению философских проблем языкознания.

Заслугой автора в первую очередь является четкое установление круга философских проблем языкознания. Он справедливо делит эти проблемы на два цикла: 1) проблемы онтологии языка, 2) методологические проблемы языкознания.

С диалектико-материалистических позиций В. З. Панфилов подвергает критике получившую в языкознании достаточно широкое распространение концепцию, согласно которой язык как предмет языкознания формируется исследователем, являясь лишь системой его взглядов на речь, принятой им системой описания. Автор убедительно показывает научную несостоятельность этой субъективно-идеалистической точки зрения на предмет языкознания, состоящей в подмене языка-объекта метаязыком, и доказывает объективный характер существования языка.

Объективный характер существования языка означает объективность закономерностей его развития. В. З. Панфилов настойчиво — в течение многих лет — проводит идею объективного существования факторов, определяющих как историческое развитие, так и функционирование языка, рассматривая в единстве внутренние закономерности языкового развития и функционирования, обуславливающие специфику и относительную самостоятельность процессов, протекающих в языке, и экстралингвистические факторы, в первую очередь социальные, без которых прогресс в языке и любое движение в языке и речи оказались бы невозможными¹.

Исходя из марксистско-ленинского понимания проблемы истины, автор решительно выступает против сведения истинности лингвистической теории к одной лишь логической правильности (непротиворечивости и последовательности описания) и обосновывает необходимость соответствия лингвистического описания самому объекту, т. е. реально существующему языку, что устанавливается лишь в процессе практики.

Особое место среди философских проблем языкознания, по справедливому утверждению В. З. Панфилова, занимают вопросы, касающиеся роли языка в познавательной деятельности человеческого мышления, в отражении объективной действительности, в развитии человеческого познания, в формировании и выражении категорий мышления. Именно на этом круге вопросов, включающемся в гносеологию в качестве одного из разделов собственно философии, автор монографии сосредоточил свое внимание.

В книге обоснованно отвергается как ошибочное учение представителей неогумбольдтианского языкознания и неопозитивистской философии об определяющем влиянии языка на мышление человека и процесс познания в целом, о различии познавательных возможностей и результатов познавательной деятельности у людей, говорящих на различных языках. Отрицание общечеловеческого характера мышления неогумбольдтианцами основано на реальном несопадении в значениях отдельных слов и грамматических форм различных языков. Однако эти семантические расхождения между языками, наблюдающиеся только при сопоставлении изолированных лексических единиц и грамматических образований, снимаются в речи, способной выражать любое необходимое содержание независимо от того, закреплено ли оно за какой-либо единицей в системе языка или воспринимается сочетанием языковых единиц, возникающим в ходе речевого общения.

Признавая необходимость языка для самого существования человеческого мышления, невозможность формирования мыслей без участия материальных языковых средств, определенное влияние языка на способ организации мысли, В. З. Панфилов в то же время решительно отстаивает в борьбе с неогумбольдтианством и неопозитивизмом положение

манентных) законов функционирования и развития языка [см. 5].

¹ Кроме рецензируемой работы, см. [1—4]. Ср. утверждение Б. А. Серебренникова о том, что В. З. Панфилов якобы отрицает наличие внутренних (им-

ние диалектического материализма о наличии общего для всех людей логического строя мышления. Позиции автора были бы значительно укреплены, если бы он в самой сфере мышления четко разграничил логические формы, обусловленные потребностями практической деятельности и процесса познания, являющиеся в связи с этим общечеловеческими, и семантические формы, определяемые особенностями грамматического строя языка и не играющие познавательной роли, которые могут обладать и национальными различиями (см. [6, 7]).

Поддержка заслуживает отстаиваемое автором положение о знаковом характере материальной стороны языковых единиц, т. е. об отсутствии подобия между материальной стороной единицы языка и ее идеальной стороной, а следовательно, и теми явлениями объективной действительности, к которым она (материальная сторона языковой единицы) относится. Ведь только благодаря знаковости материальной стороны языковых единиц, условности ее связи с явлениями объективного мира оказываются возможными свойственные мышлению абстрагирование и обобщение, так как лишь отсутствие сходства материальной стороны единицы языка с предметами позволяет ей репрезентировать целые классы предметов, отличающихся друг от друга, несмотря на наличие общих признаков, как один предмет в виде обобщенного, абстрагированного отражения. Именно знаковый характер материальной стороны единиц языка обуславливает необходимость языковых средств для мыслительной деятельности человека.

Квалифицируя материальную сторону языковой единицы как знак, автор вполне обоснованно выступает против признания знаком билатеральной единицы языка в целом, против приписывания знаковых свойств и второй, идеальной, стороне языковой единицы. Действительно, знаковость идеального содержания означала бы чистую условность его связи с объектом, исключала бы более или менее точное отражение объекта в сознании, веда бы к непознаваемости объекта, что несомненно с ленинской теорией отражения [см. 8]. В монографии последовательно проводится мысль о вторичности идеальной стороны языковой единицы по отношению к объективной действительности, об отражении в ее идеальном содержании объекта, в силу чего идеальное содержание единицы языка не может не быть подобным самому объекту.

Правоммерно признавая идеальную сторону билатеральной единицы языка ее значением, В. З. Панфилов, естественно, считает несостоятельными взгляды тех исследователей, которые определяют значение языковой единицы как отношение материального знака к выражаемому идеальному содержанию или к обозначаемому объекту. Такая оценка представляется вполне оправданной, поскольку критикуемые взгляды зачастую связаны с отрицанием факта

отражения в идеальной стороне языковых единиц. Однако было бы целесообразно сделать оговорку относительно тех ученых, которые используют термин «значение» для наименования отношения между знаком и воспроизводимым идеальным содержанием лишь в силу неудачной терминологии, рассматривая при этом идеальную сторону языковых единиц как отражение объективных явлений и квалифицируя ее как означаемое. Этим ученым следовало бы порицать за научно не обоснованное использование термина «значение», поддерживая их концепцию по существу.

Рассматривая язык в соответствии с одним из основных положений материалистической диалектики как целостную систему, в пределах которой все компоненты взаимосвязаны и взаимообусловлены, В. З. Панфилов вскрывает порочность релятивистской концепции, преувеличивающей роль связей и отношений между единицами языка, а порою сводящей сами единицы лишь к пучкам пересечения чистых отношений, якобы первичных по сравнению с единицами языка и порождающих эти единицы.

Ярко написаны страницы, посвященные критическому анализу концепций интерсубъектного существования языка, в частности теории Карла Поппера о так называемом третьем мире — мире объективных знаний без познающего субъекта, воплощенных в языке в виде множества напечатанных и написанных текстов — книг и других письменных источников. Этот мир, по мнению Поппера, существует наряду с миром физических объектов (первый мир) и миром состояний субъективного сознания (второй мир). Ошибочность учения К. Поппера о третьем мире состоит в том, что, согласно этому учению, в сфере языка включаются факты, сами по себе образующие языка: множество письменных источников (зафиксированных текстов) представляет собой не языковую сферу, а лишь разнообразный набор особого рода материальных следов языка, которые могут порождать языковые факты, только вступая в контакт с мозгом человека. Поэтому ни о каком существовании языка вне зависимости от мозга и сознания человека (т. е. вне зависимости от субъекта) не может быть и речи.

Большое внимание уделено в монографии проблеме языковых универсалий, в первую очередь универсалий предложения, обусловленных структурой выражаемой им мысли. Поскольку содержание любого предложения представляет собой отражение какой-либо объективной ситуации, постольку в нем отображаются общие типы объективных ситуаций, представляющие различные сочетания действия и его участников (актантов). Например: *Иван идет, Иван зовет Петра, Иван дает книгу Петру*. В. З. Панфилов справедливо отмечает, что выражение в составе предложения отношений актантов к действию фиксирует структуру мысли как пропозициональной функции с одноместным или многоместным предикатом и составляет один из универсальных признаков предложе-

ния во всех языках. Вместе с тем автор вполне обоснованно утверждает, что общим для предложений во всех языках является выражение в их составе не только отношений актантов к действию, но и субъектно-предикатного отношения, т. е. отношения логических субъекта и предиката, выделяемых в суждении традиционной логикой.

Субъектно-предикатная структура характеризуется двучленностью, структура суждения как пропозициональной функции — многочленностью. Эти структуры, несмотря на существенное различие, взаимно не исключают друг друга, а совмещаются, относясь к разным структурным уровням суждения. Структура суждения как пропозициональной функции фиксирует типовую структуру объективной ситуации, субъектно-предикатная структура обусловлена направленностью познания этой ситуации. При отражении одной и той же ситуации первая структура остается неизменной, вторая может изменяться. Если суждение *Иван взял книгу* выступает как ответ на вопрос *Что сделал Иван?*, то роль субъекта выполняет понятие *Иван*, роль предиката — *взял книгу*. Если это суждение сформировалось как ответ на вопрос *Куда исчезла книга?*, то субъектом следует признать компонент *книгу*, а предикатом — *Иван взял*.

Наличие двух уровней в структуре суждения предельно ясно в языке в виде двух уровней членения предложения — синтаксического и логико-грамматического. Активное изучение лингвистами в последние десятилетия, помимо синтаксического членения предложения, логико-грамматического (актуального) членения и формально-языковых средств его выражения привело, по утверждению В. З. Панфилова, к расширению понятия синтаксиса как раздела грамматики, что, с нашей точки зрения, является вполне оправданным.

В языке субъектно-предикатной структуре мысли строго соответствует логико-грамматическое (актуальное) членение предложения, которое есть не что иное, как субъектно-предикатная структура мысли, компоненты которой маркированы определенными формальными языковыми средствами.

Что касается синтаксического членения предложения (его разделенности на члены предложения), то между ним и структурой суждения как пропозициональной функции, по справедливому замечанию В. З. Панфилова, при наличии лишь общей корреляции нет взаимно-однозначного соответствия. Возможность различия в синтаксической структуре при отражении одной и той же объективной ситуации, следовательно, при сохранении структуры суждения как пропозициональной функции автор иллюстрирует использованием различных залоговых конструкций для выражения идентичных по объективному содержанию мыслей, что обуславливается активностью осуществляемого с помощью языка познавательного процесса, т. е. активностью формы отображения (ср. *Рабочие строят дом* и *Рабочими строится*

дом). Противопоставленность эргативных и номинативных построений также связана с различными способами языкового изображения одних и тех же объективных ситуаций.

Следовало бы пойти дальше и определенно разграничить ситуационное членение содержания предложения, отображающее структуру типовой объективной ситуации и выражающее структуру суждения как пропозициональной функции, которое можно назвать типовым значением предложения, и собственно синтаксическую структуру, которая, несмотря на связь с ситуационным членением, обладает своей спецификой, воспроизводя изоморфную ей семантическую форму мысли, выражаемой в предложении. При таком подходе придется признать, что отражение структуры типовой ситуации (структура суждения как пропозициональной функции) по отношению к синтаксической форме предложения выступает не как строго соответствующая ей (воплощенная в ней) форма мысли, а как выражаемое с ее помощью типовое содержание.

Рассматривая отражение структуры типовой ситуации (отношения актантов к действию) и субъектно-предикатное членение мысли как два разных уровня структуры суждения, подчеркивая их взаимосвязь и взаимодействие, квалифицируя их как универсалии, автор книги сосредоточивает внимание на многообразии способов выражения этих универсалий в структуре предложения разных языков, при этом он отмечает зависимость между способами выражения указанных универсалий и характером структуры слова в различных языках. Особую теоретическую и практическую значимость приобретает детальное описание этих способов и их использования во многих языках мира.

В качестве языковых универсалий выделяются также предикативность и модальность. Представляется бесспорным признание предикативности всеобщим признаком любых типов предложения и понимание ее как отнесенности содержания предложения к действительности. вполне оправданно стремление автора отграничить предикативность как свойство предложения на уровне логико-грамматического членения от сказуемости как свойства предложения на уровне синтаксического членения, при этом, однако, не раскрывается сущность сказуемости. В книге отмечается, что сказуемость есть свойство сказуемого и осуществляется в сказуемом отношении. Но не выясняется, в чем состоит этой свойство и что представляет собой сказуемое отношение по существу. Целесообразно было бы показать механизм взаимодействия сказуемости и предикативности (см. в связи с этим [9]).

Обоснованной, на наш взгляд, является критика попыток свести акт предикации к акту обобщения, а также той точки зрения, согласно которой категория предикативности получает свое выражение в категориях времени и лица, поскольку обобщение свойственно не только акту предикации, а категории времени и лица

отражают объективные отношения, охватывающие и субъект речи, в то время как предикативность раскрывает лишь субъективное отношение мысли к объективной действительности.

В. З. Панфилов, безусловно, прав, выступая против слишком широкого понимания модальности (против включения в эту категорию различных эмоциональных оттенков, оценок самой действительности со стороны автора высказывания, утверждения и отрицания и т. п.).

Бесспорной заслугой автора рецензируемой монографии является четкое разграничение субъективной и объективной модальности и их видов, подробное описание языковых способов выражения двух основных типов модальности и их разновидностей и вместе с тем подчеркивание отсутствия резкой грани между значениями субъективной и объективной модальности и способами их языкового выражения.

Значительное место в книге отводится анализу отрицания как языковой универсалии и его роли в конструировании суждения и предложения.

Нельзя не согласиться с положением автора о функционировании отрицания не только на синтаксическом, но и на логико-грамматическом уровне предложения, в связи с чем предложение и выражаемое им суждение могут получать различную характеристику со стороны качества на каждом из этих уровней: так, суждение-предложение *Охотник не приезжал домой вчера*, представленное как ответ на вопрос *Кто не приезжал домой вчера?*, оказывается отрицательным на уровне его структуры как пропозициональной функции и утвердительным на уровне субъектно-предикатной структуры, поскольку предикат в нем не отрицается, а утверждается. Если отрицаемый предикат выражается любым членом предложения, кроме сказуемого, то суждение-предложение на уровне субъектно-предикатной структуры, по справедливому утверждению В. З. Панфилова, следует считать бесконечным (*Не охотник приезжал домой вчера* — с постановкой логического ударения на подлежащем), поскольку в этом случае отрицаемый в предикате факт допускает его замену неограниченным множеством иных фактов. Полностью отрицательным, естественно, может быть признано лишь то суждение-предложение, в котором при отрицательном значении оба уровня структуры не расходятся, т. е. логический предикат выражается сказуемым с отрицанием «не» в сочетании со всеми зависящими от сказуемого членами предложения.

Убедительна критика принятого в лингвистике использования терминов «общеотрицательное предложение» и «частноотрицательное предложение» для наименования соответственно предложений с отрицанием, относящимся к сказуемому, и предложений с отрицанием, относящимся к любому другому члену предложения. В логике, как известно, общеотрицательными называются суждения, в которых предикат отрицается в отношении всего объема субъекта, а частноотрицательными — суждения, в которых пре-

дикат отрицается в отношении части объема субъекта суждения. Разумеется, следует избегать использования в лингвистике терминов в значении, не совпадающем со значением, свойственным им в логике, так как это может привести к смешению различных явлений. Поскольку же при анализе предложения на синтаксическом уровне важно разграничивать случаи, когда ситуация отрицается полностью, и случаи, когда отрицается лишь один из ее компонентов, постольку это различие должно быть терминологически закреплено. Для обозначения предложений с отрицанием, относящимся к сказуемому, в которых отрицается ситуация в целом, на наш взгляд, целесообразно сохранить термин «отрицательные предложения», а для наименования предложений с отрицанием, относящимся к любому другому члену предложения, в которых отрицается только один из компонентов ситуации, подходящим представляется термин «утвердительно-отрицательные предложения», который указывает на утвердительную основу таких предложений и позволяет рассматривать их как особую разновидность утвердительного предложения.

Правоммерно квалифицируя предложения на логико-грамматическом уровне как утвердительные при отсутствии отрицания перед логико-грамматическим предикатом в тех случаях, когда в пределах субъекта или предиката содержится идея отрицания, желательно называть их не просто утвердительными на логико-грамматическом уровне, а утвердительными с отрицанием внутри субъекта или предиката (см. приведенное выше предложение *Охотник не приезжал домой вчера*, представленное как ответ на вопрос *Кто не приезжал домой вчера?*).

Заслуживают внимания соображения автора о снятии противопоставленности утверждения и отрицания в вопросительных предложениях, а также о роли отрицания в логико-грамматическом членении предложения.

Большую теоретическую и практическую ценность (как для философии, так и для науки о языке) представляют главы, в которых на современном и историческом материале многих языков показан путь становления и развития двух важнейших категорий мышления — категории количества и категории качества. Интерпретация описанных фактов языка и мышления, общетеоретические выводы, полученные автором, представляются убедительными и весомыми.

Значимость этих глав выходит далеко за пределы тех проблем, которые непосредственно рассматриваются в них. На примере двух категорий выясняются принципиальные вопросы взаимодействия языка и мышления в ходе из развития, рациональной и чувственной ступеней познания, формальной и содержательной сторон мыслительных процессов и образований.

Книга В. З. Панфилова — значительное событие в научной жизни страны. Она не только обогащает философскую и лингвистическую теорию, а также целый ряд смежных областей знания, но

и достаточно широко используется в практике обучения студентов и аспирантов философских и филологических факультетов. Она открывает целую серию монографий, издаваемых Институтом языкознания АН СССР под общим названием «Проблемы марксистско-ленинского языкознания».

Чесноков П. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панфилов В. З. Грамматика и логика. М.—Л., 1963, с. 3, 6, 11 и др.
2. Панфилов В. З. О соотношении внутрилингвистических и экстралингвистических факторов в функционировании и развитии языка.— В кн.: Теоретические проблемы современного советского языкознания. М., 1964.
3. Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания. М., 1977, с. 6, 7, 31—32, 103—105 и др.

4. Панфилов В. З. Карл Маркс и основные проблемы языкознания.— ВЯ, 1983, № 5, с. 12—13.
5. Серебrenников В. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983, с. 52—53.
6. Философские основы зарубежных направлений в языкознании.— М., 1977, с. 51—62.
7. Чесноков П. В. Семантические формы мышления как значение грамматических форм.— В кн.: Семантика грамматических форм. Ростов-на-Дону, 1982, с. 3—11.
8. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм.— Полн. собр. соч., т. 18, с. 245—248.
9. Чесноков П. В. Предикативность и модальность как семантические признаки предложения.— В кн.: Единицы морфологии и синтаксиса в семантическом аспекте. Ростов-на-Дону, 1979.

Неверов С. В. Общественно-языковая практика современной Японии.— М.: Наука, 1982. 150 с.

В монографии С. В. Неверова рассматриваются две важные и недостаточно исследованные в нашей науке проблемы: функционирования языка в современном японском обществе и изучения этого функционирования в работах ученых школы «языкового существования» (гэнго-сэйкаку) — влиятельного направления в современной японской науке.

Изучению функционирования языка в японском обществе специально посвящена первая глава книги (с. 9—20), однако эта проблематика рассматривается и в ряде других ее глав в связи с исследованием школы «языкового существования». Автор рассматривает различные аспекты языковой ситуации в современной Японии, которая имеет много общего с ситуацией в других развитых капиталистических странах, но содержит в себе и ряд специфических явлений. К ним относятся позднее формирование современного литературного языка (XIX в.), сохранившееся долгое время и не полностью исчезнувшее до сих пор большое расхождение между устными и письменными вариантами литературного языка, живучесть диалектов, оказывающих влияние на литературный язык. Убедительно показывается, что возникновение школы «языкового существования» в 40-х гг. XX в. было стимулировано в первую очередь практическими причинами: необходимостью разработки научной основы для языковой политики, прежде всего для завершения процесса формирования японского языка.

Большая часть книги (главы II—VI) посвящена изучению школы «языкового существования» и анализу ряда ее конкретных работ. Еще в 50-х гг. на значительные деятельности этой школы обратил внимание наш крупнейший японист Н. И. Конрад, посвятивший этому специальную статью [1]. Однако в дальней-

шем на исследования школы «языкового существования» у нас не обращалось должного внимания, хотя они представляют несомненный интерес не только для японистов, но и для языковедов других специальностей, которые не могут познакомиться с ними из-за языкового барьера (работы ученых данной школы печатаются почти исключительно на японском языке). Поэтому очень своевременным следует считать выход книги С. В. Неверова, являющейся первым в нашей стране (и вообще где-либо за пределами Японии) монографическим исследованием данного направления японской науки.

С. В. Неверов анализирует историю развития школы «языкового существования», в основном сформировавшейся в 40—50-е гг. Справедливо подчеркивается роль Токиэда Мотоки как основателя этого направления, подробно разбираются взгляды Нисио Минору, Икэгами Тайдзо, Хага Ясуси и других ученых, выявляются сходства и различия их точек зрения. Жаль, что не рассмотрены работы такого влиятельного представителя школы «языкового существования», как Сибата Такаси, в частности, его обобщающая книга [2]. Большого внимания, на наш взгляд, заслуживают и работы Минами Фудзиро, в которых предпринимается попытка соединить результаты, полученные в исследованиях школы «языкового существования», с общелингвистической теорией. Пожалуй, именно эти два ученых в значительной степени определяли развитие данного направления в 70-е гг.

Школа «языкового существования» представляет собой этап развития японской национальной лингвистической традиции. Как верно отмечено, «японская теория языкового существования развивалась на национальной почве» (с. 5). Ученые этого направления, испытавшие определенное влияние американской социо-